

Два второкурсника из политехнического — Никита и Ромка — появились в кирпичном доме по улице Генерала Маргелова случайно и, как они планировали, ненадолго. Впрочем, видно уж была у этого дома такая судьба: почти все, кто приезжал и заселялся в расположенную около трамвайных путей желтую трехэтажку, больше были похожи не на постоянных жильцов, а на случайных гостей, которые дальнейшую свою судьбу с этим кирпичным домом никак не связывали. Кто-то, прожив недолгое время, самостоятельно покупал жилье дороже и солиднее и затем уезжал в неизвестном направлении. Кому-то родители делали подарок на свадьбу в виде элитной квартиры... Люди женились, разводились — в общем, жили своей жизнью. А дом жил своей, словно был отделен от постоянно меняющихся жильцов какой-то невидимой стеной. Вот и Никита с Ромкой сняли здесь однокомнатную квартиру на полгода, надеясь в перспективе на то, что место в общежитии к Новому году все же освободится, и они переедут жить к своим институтским товарищам.

Однако, был в этом доме небольшой контингент, состоящий в основном из стариков, про которых говорят, что «они много перевидали на своем веку». В это слово «много», по всей вероятности, входило и количество жильцов дома, меняющихся с завидной регулярностью.

Вот и парни, не успев захватить в квартиру, которая сдавалась по доступной для их студенческих карманов цене, через несколько дней уже знали, что тетя Глаша, проживающая на первом этаже, живет здесь чуть ли не с тех пор, как дом был построен. А на третьем этаже, как стало известно от разговорчивой почтальонши Танечки, доживала свой век какая-то древняя старушка, у которой поблизости жила внучатая племянница. Правда, по какой-то неизвестной причине молодая женщина не слишком часто баловала посещениями свою престарелую родственницу, которая, опять же со слов почтового работника, еще и сильно болела, отчего на улицу не выходила.

В том, что соседка с третьего этажа ограничивается «прогулками», выходя только на балкон, ребята убедились немного позже. Мало того, что октябрь в этом году был расцвечен всеми красками, на какие только была способна волшебница-осень, так он еще выдался на редкость теплым и безветренным. И вот, в одно прекрасное воскресенье во двор высыпали детишки всех возрастов.

Все было хорошо, от подъездов и лавочек то и дело доносился смех, как вдруг у малыша, гуляющего со своей мамой, вырвался из рук большой воздушный шар. Будучи накачанным гелием, и почувствовав свободу, ярко-зеленый красавец стал незамедлительно подниматься вверх. Удивленный карапуз широко раскрыл и глаза, и рот, когда увидел, что его шар был на самом деле «живым»! Никита с Ромкой, которые как раз возвращались домой с занятий, тоже подняли глаза вверх и совершенно неожиданно для себя увидели, что на балконе третьего этажа кто-то стоит.

Этот «кто-то» оказался плохо расчесанной худощавой седой женщиной, которая, оперлась на перила балкона и тоже смотрела на зеленый шар, поднимающийся все выше и выше.

То, что эта седая женщина была болезненно худа, не испорченные жизнью и временем молодые глаза студентов определили безошибочно, несмотря на то, что их разделяло внушительное расстояние. Но еще больше удивились ребята, когда разглядели у ног старушки черно-белого спаниеля, который периодически принимался лаять на все, что вызывало его собачий интерес. Не преминул залаять он и на невесть откуда-то взявшийся шар, который, хоть и был величественно хорош, но все же по его, собачьим меркам, не должен был очутиться на уровне их балкона ни под каким видом.

Никита, который никогда не прогуливал ни лекций, ни семинарских занятий, а стало быть, частенько выходил из дома раньше своего друга, уже видел несколько раз этого симпатичного спаниеля. Правда, он никак не мог подумать, что песик мог жить у женщины, которая не могла его даже выгуливать должным образом. Несмотря на то, что Никита никогда не держал собак, он где-то внутри догадывался, что «должный образ» состоял из прогулок два, а то и три раза в день.

— Прикинь, Никитос,— говорил на следующий вечер Ромка, жуя на кухне бутерброд и запивая его

горячим чаем,— оказывается, бабулька-то не одна живет. Собаку видел у нее? Симпатичная, между прочим, собачка!

— Видел,— отозвался Никита, погруженный в свои мысли и казавшийся от этого рассеянным,— я эту собаку частенько по утрам вижу, пока ты дрыхнешь вместо того, чтобы вместе со всеми на занятиях сидеть.

— Ой, ой, ой,— насмешливо парировал Ромка,— тоже мне, чтец моралей нашелся! — Можно подумывать, я один эти лекции пропускаю.

— Не один,— продолжал Никита, находящийся в мыслях далеко от своего приятеля,— но вот останешься без стипендии, и как мы за квартиру платить будем?

— Ну, во-первых... — Ромка поерзал на табуретке,— мне родители немного помогают.

— А во-вторых? — Никита наконец-то поднял на Ромку свои серые глаза.

— А во-вторых,— совершенно легкомысленно ответил тот,— если меня и оставят без стипендии, это будет уже в следующем семестре.

— Ну, и что? — не понял Никита Ромку, на которого непонятно откуда свалилось веселое настроение.

— А то,— и тут Ромка совсем разулыбался,— жить-то мы после Нового Года здесь не будем. В общагу переедем!

— Ну, это еще бабушка надвое сказала,— с долей сомнения в голосе произнес Никита, и продолжил: «Общагу-то ведь тоже исходя из успеваемости дают. А тебе...»

Он не договорил. В раскрытую форточку донеслись звуки сирены «Скорой помощи». Потом на лестнице кто-то затопал, раздались какие-то непонятные то ли щелчки, то ли несильные удары, затем послышались чьи-то голоса, все это перемешалось с собачьим лаем и визгом.

Через какое-то время все стихло.

Потом молодые люди услышали, как около подъезда завелся мотор, и, судя по тому, что сирена включилась снова, поняли, что «Скорая помощь» отъезжает от их дома.

— Наверное, ту старушку в больницу забрали,— вздохнув, произнес Ромка, который хоть и был смешливым малым, но иногда проявлял чуткость по отношению к совершенно чужим людям.

— Наверно,— отозвался Никита, остывший чай которого так и продолжал стоять на кухонном столе.

На этом разговор закончился. Ромка ушел в комнату и, как всегда, завалился спать, а Никита еще долго сидел на кухне, обхватив голову руками и обдумывая план курсовой работы, которую ему, как отличнику, разрешили писать не на третьем курсе, а уже на втором.

— Пошла, пошла! Кыш, тебе говорят! — с этими словами ярко-накрашенная молодая женщина в светло-серой мутоновой шубе пыталась отогнать от себя черно-белого спаниеля и даже затопала на него ногами. Однако тот упорно не хотел уходить, а когда женщина открыла дверь в подъезд, пес попытался прощмыгнуть в «предбанник», с двух сторон которого находились две двери — одна деревянная, другая — железная, что вела на улицу.

Но не тут-то было! Женщина быстро проскользнула через деревянную дверь, оставив собаку скулить и царапать дверь когтями.

— А ну, пшел вон! — И с другой стороны в «предбанник» ввалился долговязый парень с девушкой. При этом молодой человек довольно бесцеремонно оттолкнул собаку ногой.

Спутнице его жест явно не понравился, но спорить с претендентом на свое сердце она не стала. Только спросила коротко:

— Зачем ты его гонишь?

— Да ну его, этого пса! — Замахал парень руками.— Хозяйка умерла, он теперь в подъезде ошивается. Ладно бы жил спокойно — так нет! — поднимается на третий этаж, где раньше его хозяйка жила, и выть принимается! Да так, что ни музыку послушать, ни уснуть.

— Беденький.— И девушка наклонилась к черно-белому спаниелю.— Значит, у тебя даже хозяев теперь нет...

— Беденький... — насмешливо передразнил ее кавалер и, взяв за рукав пальто, оттащил от спаниеля.— Да его, по-моему, весь двор кормит. С чего ему бедным-то быть?

Однако правды в этих словах было не так уж и много. Ставшего бесхозным черно-белого песика действительно пытались накормить. Но он ничего не ел, поднимая морду по направлению к балкону на третьем этаже, который сравнительно недавно был его собственностью, и при этом жалобно скулил.

Отощал он неимоверно, а спешащие на работу или по своим делам жители подъезда, словно не замечали его. В лучшем случае псу удавалось миновать пинков и отшвыривания в сторону. В худшем — он оставался один на улице, где при минусовой температуре мог провести целую ночь, надеясь на то, что его пустят ночевать обратно в подъезд. Как он еще не умер от голода и холода — оставалось большим вопросом.

Мест в общежитии после зимней сессии для ребят пока не нашлось, поэтому им пришлось остаться в трехэтажке до лета.

Никита, который для поддержания здоровья начал ходить в бассейн и бегать по утрам, все чаще заме-

чал знакомую черно-белую собаку, которая до неузнаваемости изменилась. Худая и никому не нужная, она отбегала от Никиты, как только он появлялся на ступеньках подъезда, и парню даже казалось, что он видел слезы, которые вытекали из небольших коричневых глаз спаниеля.

Как-то он попробовал его покормить, но пес, как ни странно, не подошел к нему. То ли был научен не брать еду из чужих рук, то ли научился бояться того, кого не считал «своим», а может, постоянные пинки и тычки сделали свое недоброе дело — но как бы то ни было, все попытки Никиты увенчались не то что неуспехом, а полным провалом. Кусок вареной колбасы, оставленный на ставшем уже грязным снегу, моментально был утащен какой-то, так некстати забежавшей в их двор большой собакой.

Тем не менее черно-белый спаниель ни за что не хотел уйти со двора дома, где прожил всю свою собачью жизнь. Приближалась весна, люди стали чаще открывать форточки, пуская в свои квартиры солнечный свет и тепло. И вместе с желанными гостями — солнечными лучами — через открытые форточки ясно было слышен вой собаки, прогнать которую со двора не представлялось возможным.

И как-то раз Никита не выдержал.

Ромка в это время как раз передавал свои бесчисленные «неуды», которые грозились вскорости превратиться в самые настоящие «двойки» на экзаменах. Выскочив на улицу прямо в рубашке, Никита подбежал к собаке, имени которой никто не знал (а может, не стремился узнать?), и, схватив ее в охапку, потащил домой.

Обессилевший пес, который в последнее время даже выть и скулить стал совсем тихо, в этот раз даже не дернулся в сильных руках человека.

Притащив спаниеля домой и уложив его прямо в коридоре на сорванную впопыхах с вешалки куртку-ветровку, Никита впервые внимательно разглядел собаку.

Шерсть у нее свалывалась, и в некоторых местах образовались колтуны, обратив внимание на которые, парень сразу решил, что расчесывать их — бесполезное дело. Пока он искал в комнате ножницы, пес встал и, шатаясь, побрел за ним, но слабость сделала свое дело: спаниель упал прямо на пороге комнаты.

— Ах, какой я дурак! — хлопнул Никита себя по лбу, — ведь тебя же надо сначала накормить!

Но, вспомнив о том, как собака ни под каким видом не брала у него ни печенью, ни кости, парень тут же засомневался: «А будешь ли ты, дружище, вообще что-нибудь есть, а?»

Правда, в этот раз вопрос оказался совершенно излишним. Поднесенный к самому носу кусок докторской булочки, был проглочен незамедлительно.

Поглаживая обессилевшего песика по голове, Никита внезапно подумал, что неплохо было бы сходить к той женщине, которая приехала жить в квартиру своей умершей то ли тетки, то ли какой другой родственницы.

— Имя-то у этого бедняги должно быть, — раздумывал Никита, пока поднимался на третий этаж.

Но поход его успехом не увенчался. Светловолосая женщина, открывшая дверь, посмотрела на Никиту с такой неприязнью, будто он был вокзальным бомжем, а не студентом. На вопрос, как зовут собаку, которая раньше жила в этой квартире, блондинка, наморщив лоб, брезгливо ответила:

— Мне-то откуда знать? Ну, жила тут какая-то псина с бабкой.

И после короткой паузы прибавила: «Что я, всех ее собак должна по имени-отчеству знать что ли?»

Никита хотел было возразить, что собака была всего одна, да и отчества у нее никакого не было (обучаясь на факультете прикладной математики, Никита иногда мыслил совершенно прямолинейно). Но со всей силы захопнувшаяся перед самым носом студента дверь не оставила ему никаких шансов на то, что он вообще что-нибудь узнает о собаке, которая в это время лежала на куртке в коридоре квартиры, которую они с Ромкой снимали вот уже больше полугода.

— Сама ты псина, — со злостью произнес Никита и, пнув по новой железной двери ногой, стал спускаться к себе на первый этаж.

Вернувшийся к вечеру Ромка был несказанно удивлен, когда увидел, что кровать его занята. Причем не одним только Никитой. В ногах друга тихонько лежал дворový спаниель, который, как показалось Ромке, периодически тихонько вздыхал и вздрагивал.

Наконец-то подтянувший все свои «хвосты» Ромка, который явился домой сразу с тремя оценками «удовлетворительно», пребывал по этому поводу в не менее удовлетворительном настроении. В рюкзаке у него погромыхивали бутылки с пивом, которым он и намеревался угостить своего друга Никитоса. Но еще больше он удивился тому, когда, зайдя в туалет, увидел в мусорном ведре клочья черной шерсти. Это Никита, которому никогда не приходилось стричь собак, сделал своему новоявленному питомцу «стильную прическу» на свой вкус, а говоря проще — срезал всю свалывшуюся шерсть большими ножницами. После стрижки Никита хотел было еще и помыть Корсара — такое имя он придумал своему лохматому другу, — но одумался. «Вот вечером придет Ромик — с ним будет сподручнее», — подумал Никита и, взяв тетрадь с лекциями, улегся прямо на Ромкину кровать. Спустя какое-то время, он незаметно задремал, а затем и вообще «отрубился». А Корсар незаметно примостился у него в ногах, что и увидел возвратившийся из института Ромка.

Подходил к концу май. Парни купили Корсару ошейник и по очереди выходили с ним на прогулку во двор.

Ребятишки, завидев Никиту или Ромку, которые вели на поводке знакомого им спаниеля, стремитель-

но бежали им навстречу.

Корсар снова изменился, но теперь уже в лучшую сторону. Шерсть у него стала пушистая и блестящая, а то, что она когда-то была подрезана неумелой рукой Никиты, теперь уже было незаметно. Да и выглядел он не исхудавшим заморышем, а очень приличным и довольным псом, глядя на которого, можно было сразу понять, что в еде этому черно-белому красавцу не то что не отказывают, а — наоборот — безмерно балуют! Но кроме этого, и это было самым главным, он снова начал доверять людям и как только видел малышей, бегущих по направлению к нему, тут же начинал вырываться из ошейника и охотно давался детским рукам, которые наперебой старались погладить его по шелковистой шерсти.

И Никите, и Ромке несколько раз доводилось столкнуться с «племянницей», которая бесцеремонно выгнала умирающего от голода пса из квартиры, которая по всем документам теперь принадлежала лично ей. Но каждый раз дамочка отворачивалась от ребят и один раз даже презрительно фыркнула, изобразив на своем лице то ли недоумение, то ли презрение...

Впрочем, ни отличнику Никите, ни относившемуся к учебе весьма халатно Ромке, не было до нее никакого дела. А Корсар — тот и подавно выражал блондинке в кожаном пальто полное равнодушие. По крайней мере, он ни разу не сделал попытки хоть как-то приблизиться к ней, как он каждый раз, пытаясь подбежать к ребяташкам, рвался с поводка все сильнее и сильнее.

К концу года место в общежитии предложили только Никите. Кроме общежития ему предложили еще и тему для научной работы, намекнув, что если начать писать ее на третьем курсе, к концу обучения студенческий труд станет весьма фундаментальным. И уж тогда Никите можно будет смело претендовать на поступление в аспирантуру.

Второе известие Никиту обрадовало и, хотя он очень туманно представлял себе то, что с ним будет через три года, за написание научной работы он решил взяться уже летом. «Вот только съезжу домой, повидаюсь с родителями — и тут же начну», — обрадовано думал молодой человек.

А вот жить в общежитии без Ромки он наотрез отказался. И хотя он понимал, что если бы он периодически не помогал своему приятелю решать сложные математические задачи, того бы уже давным-давно отчислили. Но Никита никогда не гордился тем, что знал намного больше и учился намного лучше своего дружка-шалопая. Наоборот, как только Ромка «заваливал» очередной экзамен то по высшей, то по прикладной математике, Никита брал инициативу в свои руки, и тогда соседи могли видеть, что свет в квартире, где жили ребята, выключался с появлением на востоке первых лучей солнца. Объяснив то, что для Ромки являлось «камнем преткновения», Никита начинал нещадно гонять своего друга по пройденному материалу. Но этим, как правило, дело не заканчивалось. Задачи, одна сложнее другой, сыпались на Ромку до утра, а на следующий день «неуд» из его зачетки исчезал, словно по волшебству.

Правда, была у Никиты еще одна причина, из-за которой со съемной квартиры он уже не съехал бы ни за что.

Корсар — этот преданный друг, который всегда встречал их с Ромкой в коридоре радостным лаем и повизгиванием, и был этой второй причиной. В общежитие их с собакой жить бы не пустили, но Никита уже был далек в мыслях от того, что им надо куда-то уезжать.

Вот и в этот раз, сойдя с автобуса на конечной остановке, Никита оторвался от своих мыслей и забежал в супермаркет. Первым, куда он направился, был отдел с кормами для животных. Накормить четвероногого друга — это стало для Никиты первостепенной задачей. А покупку пива, которым он обещал угостить Ромку по поводу сдачи экзаменов, предусмотрительный Никита решил отодвинуть на день позже.

— Вот покажет зачетку без «неудов», — думал он, подходя к подъезду, — будет ему пиво. А пока что баловство полагается только Корсару! Он-то, слава Богу, «двоек» не получает.

Ведь для Никиты было теперь очень важно знать, что дома его ждет любящий всем своим, может быть не таким уж и большим, но тем не менее очень верным и благодарным, сердцем лохматый черно-белый спаниель.